Фёдор Ермошин
Стихотворения

Вступление

Д. А.

Свобода – белая судьба,
Крыло, распахнутое настежь.
А по реке плывут гроба,
И гибнут верфи, лодки, снасти.

Прости за замкнутость. Любя,
Не укрощаю главной страсти.
В моей душе кипит ненастье,
Не достигая до тебя.

Но что мне делать с широтой
И необузданным размахом?
Таить в себе? Делить с тобой,
Чтоб ты вконец лишилась страха?

Я так боюсь, что мой полёт
Тебя бесстыдством ужаснёт!

7 сентября 2005.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

* * *

Я ел хот-дог вечерних улиц,
Переходил через дорогу,
Я брал тетрадку и, сутулясь,

Всего боялся понемногу.
Но чуял крепость, были силы,
И я молчал, и, глядя вниз,
Я шёл туда. Вокруг висели
Сосульки, бахромя карниз.
Перекартавленный эпохой,
Случившейся из-за меня,
Взнервленный, в куртке слойки крохи,
В кармане – двадцать три рубля,
Я был никто. Меня теряли,
Хотя я сам не знал о том,
Хоть в горле ком болел, когда я
Входил в чужой постылый дом.
Я ездил в темном автолайне,
Брал булки с плесенью и без,
И ближнее казалось дальним,
А дальнее рвалось вразрез
С моими чувствами. Вгрызалось
Настойчиво, с обинячком,
Усталость, горе и усталость
Сплетались с верой – в снежный ком.
И металлически блестела
Холодная латунь дверей,
Когда в подъезде то и дело
Лифт совершал тяжёлый рейд.
Я топал оземь башмаками,
Сбивая с них лежалый снег,
Не зная, год ли доживаю,
Шестнадцать лет иль целый век.
Я знал, что я почти безумен,
И не шептал под нос: «Авось…»,
И чувствовал, что если б умер,
И не заметил бы того.
Но всё ж домой я возвращался,
Сидел укромно за столом,
Качал ногой, молчал сначала,
Потом вдруг цокал языком.

От чашки ручка блекло, тускло
Блестела, словно бы курок,
Когда я, сидя в кухне узкой,
Устало попивал чаёк.
Крестился, вновь за стол садился,
Смотря за темное окно,
И чувствовал, как силы в мысли
Мне верой возвращались вновь.
И тише было, и уютней,
И уж теплей казался снег
Сегодняшний. И дольше сутки,
И слаще чай, и сны – верней.
И знал: и завтра будет рядом
Со мною ввечер, как птенец,
Сидеть в соломенной лампаде
Живой пушистый светлый свет.

Окт. 2002

* * *

Д.

Выйти замуж. Уехать в другие страны, –
Расползается, вянет цветник в сентябре, –
Оставляя на родине жирные раны,
Красные раны – тебе.

Не ори, не шипи, будто перекись водорода
На колене разбитом; и молча болú,
Забирая все беды мои и невзгоды,
Все постылые боли мои.

Будто марлевый бинтик, прилипший к коже,
Пропитавшийся кровью, и трудно менять, –
Ты мучительно сросся со мною, и всё же –
Не я.

7–8–9 сент., 2004.

* * *

А за окном такие желтые дома,
Какие только лишь зимой бывают.
А помнишь, года два назад, зима,
И как газеты, здания пылают.
Мы едем на трамвае вполусне,
Какие-то экзамены досдали,
Я, как Ионыч, тереблю пенсне,
И шапку то надену, то снимаю,
То вдруг опять напялю набекрень,
Гляжу, как вы с подружкой пьёте пиво,
А за окошком догорает день,
Еще один – и рушатся стропила.

Декабрь 2003 или февраль 2004.

* * *

Опошлился, как тот йонвильский доктор,
Провинция – стоячая вода,
Но в городе – не меньшее болото.
Никто везде, тогда куда, куда?

Измокла деревянная ограда.
Снаружи дождь, и ничего внутри.
В душе моей такой же беспорядок,
Как в комнате у Шарля Бовари, –

И письма, словно листья в день осенний,
Сожженья ожидают до поры,
Я был твоей бессмысленною тенью,
Немой, и не желавший говорить.

Распроданы и дом, и обстановка,
И дождь стучит, дробя на крыше жесть.
И больно, и погибельно-неловко
Когда тебя не видят, а ты есть…

Осень 2003.

* * *

До меня докоснулась штора,
И я вдруг почувствовал слабость,
А она от ветра дрожала,
Она ко мне прижималась,
как кошка,
Потом затихала немного.
Окошко открылось настежь.
Она заструилась водою.
Она заплясала бойко.

Потом, как копуша, уселась,

И я снял домашние тапки,

И я вдруг почувствовал смелость,

И я подошел к окошку,

Вдохнул этот летний воздух.

Взглянул: там катались на великах, –

Великая правда насущного
С домами его и с антеннами,

С волнистой дорогой асфальтовой,

С полосками зебры белыми,

Клаксонами города раннего
Коснулася слуха, как веточкой,

И воздух коснется лица.

И вот, я на улицу выйду,

В карман положив монеток
С комода, надев рубашку,

И мне так захочется думать
И жить, перелистывать книжки,

И с радостью и сожаленьем
Ждать осени, что уже рядом,

И запах и вкус «Чебурашки»

Почувствую в утреннем ветре,

Тот запах и вкус лимонада,

Давно уж которого нету,

Уже сколько лет как нету,

Уже тому сколько лет…

И медленно сяду на лавку.

Как будто бы – ждал кого-то?

Тебя, может, жизнь? Кого-то…

И станет так странно мне…

Авг. 2002

* * *

Люблю носить очки и шарф,
Домище на ногах.
А экивоки, антраша
Я не люблю. В ушах
Шумят автобусы и дни
Два года на ножах,
И мысли смелые мои
Ручьями побежать
Давно должны. Воюю я
С зимою, как с бедой,
Чтоб дать препонам февраля
Рассеяться водой.
Но слёзы мёрзнут вполпути,
Вполшаге, вполбеды
Стою, и надо бы пойти,
Однако же – куды?

Апрель 2003

* * *

Я валялся, валялся и встал,
Я оделся, умылся и вышел.
Я скучать по тебе перестал,
Хоть тоски неуемной барышек,

Как орешек в шкатулке – во мне.
В этом есть даже что-то родное,
Что в какой ни бывать стороне,

В ту же реку нырять с головою,

То же помнить, и то же скрывать,
От пытливых и скучных знакомых,
И бросаясь, как в омут, в кровать,
В опостылевшей пустоши дома,
Всё о том же во сне горевать.

Май 2003

* * *

Я поверил в жизнь во время жизни,
И отстал от собственных забот,
Дальше семенить вслед, ты скажи мне,
Можно ли, когда старинный год

Для меня реальней этой встречи,
Им я и живу, оно живей.
Не слова, а так, обрывки речи,
Не поступки – жесты в тишине.

Я не знаю сам, что будет дальше,
Дни как сны, как белые стихи –
Может быть, я просто стал постарше,
Видимо, за все свои грехи.

Окт. 2002

* * *

Он сел неумытый, неубранный,
Стихи торопливо писать,
И частыми серыми буквами
Пытался вернуться назад,
Как будто окольными тропами,
По старому следу идя,
И бодрым двустопником топая
Возможно вернуться! Хотя
Пытались, и кто-то рассказывал,
Что можно дорогу найти
Домой. Но ведь каждому разная, -
И каждый идёт один.

Авг. 2003

Я бормочу, как неврастеник,
Я разражаюсь монологом
На молодого подмастерье.
Я говорю пространно, много.
Готов болтать хоть трое суток,
Ругая дурня-паренька
За неуклюжесть и безделье
И за халатность у станка.

-Что ж, созерцательный дурак,
Ты будешь делать на работе,
Где ровным должен быть резак,
Где тесаки, и где в субботу
Досочки режут мужики,
Стоят насупясь, нализавшись,
В ушах у них шумят станки
И мастер стачивает рашпиль.
Они не помнят жизнь свою.
Она для них мала, как роба,
Забыв свою весну, семью
Они стоят, куря, у входа.
На лавку сядешь ты, стряхнешь
Пылинки и опилки, стружку,
И скажешь: «Все это давно уж
Прошло, казалось бы, а всё же
Подружку вспоминаю я
Одну мою. Однако слова
В стенах глухого гробаря
О ней не вымолвлю, другого
Не надо в это посвящать,
Пускай невымолвленной рыбой
Во мне клокочет, плещет страсть,
Как поезд в глубине Транссиба
Пускай гудит немой укор,
Пускай во мне стреляет солнце,
Мигает в каждое окно,
И прострочит, как зингер, сердце…

Опять болит грудная клетка.
Слова, как птицы, встрепенув
Своими крыльями, в прореху
Прорваться бьются. Эта грусть
Как купол неба. Все печали
Пусть полетают, но вокруг,
Близ голубятни, и не дале,
И возвернутся под замок.
Кричат как птиц весенних стаи,
Слова, вернувшиеся вспять,
Гогочут громко, возвращаясь,
И замолкают, спать ложась.
Ко сну отходят все печали
Во мне. И снова, может быть,
Слова, которые молчали,
Солдатами пойдут, их прыть
Муштрой рассудка не убавить…
Молчать, молчать, не говорить!
Траншеи рыть в самокопанье
И знамя тишины хранить…

Любовь никак не назовешь,
И рыбе нужно снова в воду –
Мысль изреченная помрет,
Как только выйдет на свободу.
Пожалуй, что любовь. Тогда
Она волшебна и несчастна –
И рыба достигает дна,
Глядится снова безучастно,
Болтаются её усы,
Как у сома, и снова хмурясь,
Я вспоминаю все разы,
Когда болтал с подругой всуе...
Все возвращается в Депо –
Слова, и чувства, и вагоны.
Стучат к отбою молотком.
С тобою будто незнакомый,

Молчу, молчу, в вагонный такт
Стуча покладисто сердечком,
А завтра – шорох наждака,
И шелест рашпиля, конечно,
Напомнит шёпот лишних слов,
Напомнит всплеск вспорхнувшей птицы –
Но птицы улетают, чтоб
Назад, под кровлю возвратиться.
Как и тогда, объединит
Нас общий шум и беспорядок
Ты тихо глянешь сквозь ресниц,
И распознаешь с полувзгляда:
Чтоб не случилось жгучих слёз,
Что разорился, разбазарил –
Что птиц на птичий рынок снес,
Что голубей уворовали,
Слова упрятал под замок –
Пускай молчат под кровом кожи,
Мы приручили стаи слов,
И ты поймешь, что я такой же,
А если нет – то что с того?
Я укокошил все слова,
Солдаты полегли на поле,
И не колышется трава,
И сердце сжалось у обоих.
Любовь последним мотыльком,
Клочком, прибитым к стенке, будет,
Зато не навредит никто,
Ни пожалеет, ни осудит…
И снова стуки молотком,
И снова будничный полудень –
Так до скончания веков,
И всюду люди, люди, люди,
И бесполезный шум станков…».

Что ж, созерцательный дурак,

Ты будешь делать на работе,
Где все орут – не говорят,
И закоулками завода
Разносит крик мастеровых,
Где пашут до седьмого пота,
А если руки раскровишь,
Кто побежит тебе за йодом?
Ты размышляешь на словах,
Да только делать будешь что ты,
Под вопли пьяных работяг?
А впрочем, не моя забота,
Хоть помню, что таким вот был,
Но будто посторонний кто-то
Страдал, и верил, и любил,
Сидел в безмолвье и безделье,
И изнывал от долгих зим,
И веселился в день весенний,
И молча плакал, что один.
Мне ныне всё – равно не страшно –
Ни грохот заводских станков,
Ни въевшаяся в кожу сажа,
Ни серый дым чужих бычков…

Во мне не промелькнёт ни тени
Сквозь толщу суток и невзгод,
Хоть помню прошлое смятенье,
Не ощущаю ни-че-го.
Гляжу на выцветшее фото,
И разговариваю с ним,
С тем белокурым подмастерьем,
Что стал седым мастеровым.

Апрель, 7-11 июня 2003.

LAMENTO[1]

Трепет, трепет лихорадка
Трепет милого маво,
Ой, пущай трепет и колотит
За неправду за его.

Фольклор.

1

Постоянно ем. Сую себе в горло хлеб.
Спроси, зачем? Чтоб чем-нибудь заняться.
Ведь я не здесь сейчас, – я с ней, – но механизм вовек
Не остановится, раз заведенный. В двадцать
Нуль нуль – обед. Я припозднился, да…
То университет, то автолайнер.
В одном по коридорам ходят из конца в конец,
Другой по кругу ходит сам, и пассажиров возит. Ладно…
Еда, еда!.. Она же – пища (чтоб её в себя пихать):
Умащивать слезами черствый хлебец,
Водою запивать простой, из крана,
И восседать. И думать о былом,
Как вросший в лёд прекрасный белый лебедь…
Уже не белый. С красным пузом. Рана
Есть небольшая, да. Аппендицитность
Есть небольшая, да… (гангреночка у вас…) – Но как-то влом
Рыдать и бредить…. Бредится само,
Само болит, и что того обидней

[1] Плач, плачу - итал.

Рыдается само! - Утрите сопли! -

Я, как физичка, сам себе, сказал. -

Оставьте беглый, муравьиный лепет

Для сверстников своих, вам двадцать лет,

Вы не мальчишка, собственным умом

Пора постичь веселую науку…

-Ещё кусочек… Корочка… (сглотнул

Со звуком: умм-м. Уложится ль в размер

Вот это чавканье моё? - не знаю.)

Вдруг: А ну-ка, ну-ка…

С этого места поподробней, пожалуйста!

Учить сороконожку бегать - жестоко и безжалостно.

Особенно если подбита

В каком-нибудь важном колене.

Но всё-таки слушаю. Алло!

Кто говорит?

-Нишомре.

-Шумы какие-то.

А, вот так хорошо. Понимаете,

У меня радиотелефон, и слезы падают на катод, и там происходит такое замыканьице, понимаете, да?

(Ведь слёзы - это солёная такая вода,

А вода с проводами несовместима,

И поэтому слышно не очень, вестимо…)

Но всё-таки слушаю. Та-ак?

-В общем… Я хотел сказать…

Но вы меня сбили!

-Ах это ты, мудила!?.. Мразь с хромоногой логикой!! Ах, это ты опять?

Ну что же-е! Не петляй, сука, не петляй. Говори как есть.

-Жесть… Кап-кап. Это у тебя в каком-то стихотворении было:

Есть-жесть.

-Не петляй, сука, не петляй, я сказал!

Я прижал тебя к стенке! И что же ты хочешь шепнуть?

Что я не должен был ехать в Хорватию, что

Я должен был начхать на родителей, что

Я должен был ехать к ней, -

Как? – всё равно, как, придумал бы что-нибудь! – что

я втайне жаждал красивый финал чтобы был,

чтоб всё благородно
Чтоб со страданьями да со страстями да чтобы

она

Подобно Настасье Филипповне
Специально бросила меня, чтобы

лето закончилось – всё оборвáлось. Ты это хочешь сказать?!

А заграница?

А брачский камень, белый, как рахат-лукум наваленный? А-а!?

А триста евро, которые платил не я? Родичей же деньги?

А соль на коже, а загореть для Неё? А!

А южная душная комната, так, что готов орать?

А подушка, что я во сне обнимал,

И думал, что это Она?!..

Разве этого мало?..

Сам знаю, что мало.

Н-да.

Какая пошлость…

Какая тошнота…

2

Она сказала мне, что выйдет замуж.

Не за меня, конечно. В октябре.

Хлопот различных много. Верно, знаешь –

Ни регистрации, ни прописки у него нет.

Ведь он сюда тогда приехал
На голую кочку, как говорится.

Из Молдавии, к ней.

Я, кажется, спать хочу.

На Воробьевых горах
Когда мы сегодня гуляли
Спать хотела она.

Слёзы, или ветер…

Я уж не знаю… Она немножко поплакала.

Но сказала, что в принципе, счастлива.

Я сказал: ну вот видишь, Дашенька, как все печали разрешились славненько.

Вчера в пять часов я приехала поездом
Из Молдавии… Проездом – в шумливом Киеве…

Устала сильно…

-Сейчас, кажется, будут слова.

Опять поднапёрли слова без смысла.

Это хуже поноса, блúна!

Как тот старый режиссер, который на почве болезни помешался,

И, путая, называет свою жену Ларису – «царицей»,

И всё говорит, говорит,

Навзрыд;

и старческие слёзы…

И солнечные пятна,

и сумрачные долины
В глазницах

3

Но, но, но. Да проснись ты!

Я, кажется, оклемался, как от наркоза.

Последние крохи ссыпаю из пакетика…

Осталось помаяться
Месяцок.

От силы два месяца.

Потом – фьюить. Она ему жена. Ты – никто.

Призрак грошовый в пальто
(В карманах бумажки, и ручки с вечно протекающими чернилами).

Ведь будет уже поздняя осень. Почти зима…

-Но – зима всех людей убаюкивает, они собираются с силами.

А там зазеленятся дерева.

Весна придёт… Дашенька, милая!…

И тут, торжествующе: -Как это – «Дашенька, милая»?!

Забыл разве?

Не слушать его!:

-а там… лето…. там уж до лета недалеко…

-…Ага, рассказывай!

Смешной же ты. У-хх-а!

- неистовый клоун, гогочет мне в ухо. -

Неужто не помнишь:

«Все сезоны, особенно всякие тёплые,

Пройдут без неё, и напомнят тем самым о ней!» Ага!?

Снега, сплошные снега…

С последней надеждой в голосе:

-А топосы?

-Тем паче, топосы!

Неужто не знаешь сам, что теперь никуда не сходить?

-Один…

-Один, как потерянная калоша, как восклицательный знак, один! И неужто забыл,

Дебил, форменный ты дебил,

Что Москва для тебя, друг мой, теперича сплошь болевая точка

Между большим и указательным пальцем руки
Москвы-реки. Какая жалость!

Везде, куда ты знаешь, как идти

- это она тебе показала.

От шоколадной фабрики рядом с железным Петром,

Где пахнет конфетами за пять километров, от Киевского вокзала

До Воробьёвых гор,

Где собака заблудилась в глубоком недействующем фонтане…

А Даша тогда ещё переживала,

помнишь?

-Не трогай. Уж это не тронь, отдáй мне!!

-…Качели… лавочки… дворы… макдональдсы, трамваи… Киношки… Всё - она!

4 (эпилог)

-И всё же.

- негромко, собирая пальцем со стола последние крошки, прерывисто дыша,

-

Всё же, всё это - хорошо. Воспоминания-то хорошие,
Только болезненные немножко…. Но дело не в том. да…
Даша, родная… Тудум-тудум (сердце стучит, ровно стучит, нормально).
Ту-дум, тудум. Зябко чуть-чуть… Всю дорогу зябко. Зуб на зуб не попадает.
Ну, ничего.
Всё умолкает, и затихает, и погружается в водные толщи,
Словно намоченный хлеб, набрякает…
Крохи свои доем, и спать, и спокойной ночи…
Она мне приснится, знаю. Спать пойду, - опять, может, приснится….
Ту-дум-тудум.
Я ей сказал я буду с ней теперь дружеские отношения сохранять,
Здрасьте всегда ей можно сказать…
Скулы её, завитки на виске, румянец её, ресницы…
Спать пойду…

! А тебе, колченогий мерзавец, сволочь гадская,
пытавшийся меня склонить, с.ка,
К ревности к ней и к нему -
Не очернишь!
искушавший меня заплакать при ней,
Сдержусь, не прослезишь!
Адью.
Слушать тебя не буду…
Спать пойду. Слышишь меня?! Спать пойдуу!!!
(снова взахлёб, навзрыд)
Слышь, нет?!! Говори!

Эхом короткие гудки в ответ
-У/у/у/у/у….

10-11 сент 2004, ночь.

* * *

Я в предсмертном состояньи,
Арлекин ли там, Пьеро –
Утверждать не стану. Сами,
Гляньте сами, и юрод…
И юродствовать не буду,
Всхлипнуть – влипнуть в сахар, в мёд.
Сладострастие обиды
Гаже всех других её
Проявлений… Ну, скажите,
Вам понравилось?
–«Угу».
Вспоможите. Дайте денег,
Хоть бы малую деньгу,
Раз понравилось. И, кстати,
Коль захочется на бис,
Я умру ещё раз…
–«Гляньте,
На верёвочках повис!».

28 февр. 2005 г.

* * *

I

Мы будем трудиться и верить,

Стоя на последней дощечке
Перед пропастью,

Будем распахивать
Сердечные двери
Ралом усилий и кротостью, –

Всип
Пусть скрипят тормозные колодки
Ста́да товарных вагонов –

Я не сойду с гробового настила
На баковском том перегоне.

Эти цистерны
Пузато-примерны

Отко́рмлены, как коровы.

И воздух нервный, прозрачный,

Как марево, дрожит.

По сторонам – обыкновенный ельник,

И колючая провлока кустов и хвороста,

Куцая самодеятельность
Худых ракит…

Кинь свой портфель,

Швырни авоську –

Взгляд непрощальный
На несогласный деревьев хор!

Нырни под вагон, –

Ляг хоть вдоль рельсов,

Чтобы железо
Правой руки не отсекло!

Грех не отмолишь, дурак пропащий –

Прекратить по своей воле дышать,

Чтобы сердце в тебе
Стучать перестало,

Как вагоны над носом –

Продолжают стучать…

6 апреля 2005 г.

II

Опять пронизан холод светом.

И пусть свирепствует вьюга́,

И колет щёки, словно деда

Щетинно-колкая щека,

И снег взвивает электричка,

И наметает в закрома
Платформы, зала; на кулички

Пристанционного холма.

Пускай я болен, и простуда

Первей мне давит на виски,

Чем полногрудое отсюда
В весеннем ветре и тоске

До завтра… Ухвачу железо

Замёрзших баковских перил,

Как будто это наши рельсы,

И я прощёный и простил,

И закруглив её ступени
До самой гладкой скользкоты,

Не предъявляя жизни пени,

Не спрашивая правоты,

Предощущая воздух талый, -
(Ещё чуть-чуть, совсем немного)
Пройти обычною дорогой:
Простор, пространство, пустыри.
И верить: близятся те дни
(Ещё чуток, совсем немного)
И вот уже потéпле станет,
Как баба Галя говорит.

Март - Апрель 9, 2005

* * *

Разгруз. Развязыванье бýнта,
Свобода в ветре и воде.
Куски от глинноты недель
Отваливаются, опадают.
Рябина стряхивает снег,
Горбы сугробов сокрушатся
И покаянием весны
Растают.
Воздух талый-талый..

22 марта 2005.

* * *

Обойми
Руки вокруг головы, –
Я болею. Мне жутко, –
Прислониться горячим лбом
К стене; прилипнуть к обоям кожей,
И шуршать по стене волосами. Помолчи.
И не надо смеяться натужно,
Торопиться, фальшивить,
Как мхом, обрастая лесами
Встреч; постройка таких отношений
Ни к чему не ведёт, кроме общего чувства обиды
Зодчих и приходящих на зодчие зовы,
Улететь, просочиться, когда катастрофа разверзлась; не видеть
Окончательного обрушенья зданья
До обветренной кромки,
Как будто бы чёрствого хлеба
Распоследний ломоть –
До развалин, ощеривших чёрные угли углов
Опожаренной этой избы-пятистенки
былого крова.
От простудного дыма – в горле седой надсад.
И, как кремнем по сердцу, обидное горькое слово…

Конец февраля – март 2005.

* * *

Глаза слезятся от простуды
С температурой. А во сне
Тебя душили жёлтым пледом
Так ты рассказывала мне.

И это не было – неправдой –
Я в это верил, что есть сил.
Я ведь не спрашивал ответа –

И так тогда и не спросил:

Ты не лгала ли мне? Наверно,
Лгала, но эта ложь не в счёт.
Ведь я любил тебя. Как звери
Цепляют лапами диван

И портят мебель – я буянил,
И тою ночью сбрендил сам,
Поскольку верил. Но обманом
Взяла меня ты, или сам

Свихнулся?
Я не знаю, право.
Но только стал я вопрошать,
И жаждать правды – ты лукаво
Ушла, стакан в руке держа.

Я много дергался, и психи
Корявых стрелочек в мозгу,
Разряды тока – в общем, лихо –
Меня заставило сболтнуть,

Что ты меня, мол, обманула.
Вот дурень, трезвенник, дурак.
Я не сдержался всё же. Утром
Я извинялся.
Солнце упало
На твой гуттаперчивый коврик.
Ты ногу рукой обняла.
И молча смотрела на воду.
Ты страшно, смертельно врала.

Я это просёк, и на убыль
Былая любовь, на откат
Пошла, как прибой
– отсюда

До завтра уходит.
Как жаль.

Февраль, 22-е марта 2005.

* * *

На всё есть лимит в человеческом сердце.
Исчерпан лимит – начинается бунт.
Мне некуда деться, и нечем согреться,
Пускай я в квартире, как в вате, я тут

Лишь с тем, чтобы быть принадлежностью пыли,
Владельцем ботинок, хозяином книг.
Неужто моё же меня и сгубило?
Исчерпан лимит – начинается крик.

Не я ли кричал ей во сне – автолайны!
Бензин, от которого лёгкие мрут,
И падают наземь соловушки. Мама!
Пускай я в квартире, как в вате, я – тут…

Кричу тебе, словно бы в снежной лавине.
Не слышишь меня, и не слушай меня.
Как груша померзшая, до сердцевины
Продрог я, и зол я. Моя ли вина…

Осень 2003, 25 марта 2005.

* * *

Есть ямы, тупики, водовороты,
Когда спиною чуешь лак двери,
Защелкнувшейся за твоей спиною:
Шепчи ли, говори – ори…

И ты согбенен и преломлен в торсе,
И время на тебя глядит в упор:
Прямою мышеловкой распростёрся
Глухой прямоугольный коридор.

Но, может быть, из темени палящей,
Как прорастает во поле зерно,
Зрачок двери вдруг прорастёт дрожащий
И близкое и светлое окно.

И снова будто за стеклом зеленым
Секретик или что-нибудь ещё
Я закопал под этим клейким клёном,

В томилинском краю домов-хрущоб.

И всё вернётся: детская ангина,
И детский незаросший родничок
На темени. Отец, я буду сыном.
Мы родственники. Это ничего,

Что свет сошелся клином в этой точке,
Что с той поры так много утекло
Воды и сил. От каждой ветки – почка.
И брызнул дождь на бледное стекло…

Но снова стены. И шершавлю руки,
И фантика уж нету за стеклом.
Кто выкопал?.. – не знаю. Близоруко
Бреду искать свой убежавший дом.

26 апреля, 5 мая 2005.

* * *

Душная Москва. Конец июля.
Морок нас довёл до тупика.
Я не знал, в висок тебя целуя,
Что любовь бывает так горька.

лето 2004.

* * *

Отец! я вас теряю всех. На ветхом перешейке
Среди берез с ободранной корой
Я утопаю. К делу вы пришейте
Платочек, полный самых горьких слёз.

конец сентября 2004.

* * *

Весенний день, и хлеб в руках,
Лазоревое новоселье,
И люди в светлых пиджаках
Гуляют в праздничном веселье.

И что мне буря и борьба,
Когда бороться больше не с кем:
Как рыбы, на позорной леске
Висели… Били в барабан,

При этом сами – барабаны,
И жестяное громыханье,

И шум, и коннонадный свист
Ушные разрывал мембраны,
А мы кричали и неслись.

Но вот закончен криворожий
Немой и оглоухий бой.
В своей просоленной одёже
Согрелся у огня с тобой.

И руки не трясутся в гроге,
И папироса не жена:
Не взвизгнет в три часа тревога,
В пять не окрикнет старшина, –
Спокойствие и тишина.

Но только ты меня не трогай.
Я превратился в старика,
И, прохлаждаясь у фонтанов,
Не поминай чужих грехов
Незаживающие раны,
И временем не попрекай.

Дай догулять спокойно дни.
Пусть тлеют эти головешки,
Души былого человека
Обугленные головни,

Пока совсем не схватит стужа.
И в одночасье...
А снаружи
Голубоглазая река.
Весенний день, и хлеб в руках…

5 мая 2005.

* * *

Д. А.

Страницы белые, скажите молча ей.
Вы, фортепьянные, как клавиши; как рис
Прозрачны, и бел*ы*, и чёрный шрифт бемольный
Вас топит вниз. А вы стремитесь ввысь.

Бело. Бело. Так проще. Тем ясней.
И точка нам рассказывает больше,
Чем мириады слов – как штемпели на почте,
Слова сургучно стаптывают смысл.

Слова мои – вечерним табуном,
Немыслимой какой-то колымагой
Несутся, перьевыми облаками,
И, крепко упираясь локотками

В столешницу – ты тщишься их понять,
В вину вменяешь синтаксис корявый,
А я стою на зябкой переправе,
Страницей раздираемый одной:
«И, как чернила впитаны в бумагу, –
Тебя зову, – проймись, схвати меня,

Пойми меня.
И помолчи со мной».

16 мая 2005 г.

МАЛЬЧИК

Мы злы и нелюдимы стали,
И чёрным пишем по-белу́,
Орём степнейшими зверями,
Шершавы стопы. Востр наш плуг.

И косы востры, и востра
И больно режется осока,
Ей умирати не охота,
Как кирасирам – в семь утра.

А лечь бы в травяную влагу,
Лицом, глазами, носом, ртом,
Чтоб листья щекотали щёки,
Роса свежила их потом.

Но сломан первозданный стебель,

Один, поломатый, лежит.

Враги автобусного цвета
Уж показались на меже.

Бряцают стопы их железны,

Полынью пахнет, и сухой

Былой ромашкой полевой.

Былинка мне щекочет ноздри,

Себя я выдам рано ль, поздно ль,

И аллергически чихну.

Их стопы жестки. Востр их плуг.

22 мая 2005, воскресенье.

* * *

Труд этот, Ваня, был страшно громаден…

Некрасов.

Здравствуй, парнишка! Ты помнишь меня,
Мой возмужалый сынок?
Я твой отец из начального сна
Ртутных и смертных эпох.

Выжил ли ты в раскидайке лихой,
Выбрался ли из-под струй?
Военачалие - это брандсбойт,
Бьющий, пока не умрут

Все, кто причастен, и все, кто огонь -
Первый боец, тыловой,
Пятый гонец и тридцатый гонец -
Чешем гребенкой одной.

Дитятко милое, праздничный цвет,
Уличный и голоштанный,
Вымыт ли ты, обут ли, одет?
Вспомнишь ли тот полустанок?

Я, в набрякающей массе дождя,
Что настигает теплушку,
Вижу тебя; ливень рушит ливмя
Воду, как пламя - избушку.

Этот состав ускользнёт за бугры,
Как под колоду гадюка.
Пойте победную песню, греми,
Броская сумка салюта!

Только оставь заповедную явь,
Грядочку воспоминаний.
Песню-малявку, стишочек составь,

Рваные, как мои раны.

Охолони их зияющий взрез,
Красный, горячий, горючий.
Видишь ли, сынка, раны мои?..
Может, не видеть – лучше?

Мир, это значит – блаженность слегка,
Значит, дурашливость быта.
Лучше живому не знать бредка
Проклятых и убитых...

———

Только стучит во другом во мне бой.
Колет, как спица в мембрану.
Бранное поле – всеобщая боль.
Функция памяти – рана.

22–23 мая 2005.

* * *

После скандалов –
Всегда усталость.
Будто бы ручку
Двер*и* полизал,
И, ледяная, к языку пристала.
Жалкие все мы,
А пожалеть нельзя.

15 мая 2005.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

* * *

Дождь шумит, как секундная стрелка,
на балконе – и капает на

бортик лоджии мягко и мелко.
Там, за лесом, висит пелена.

Как в теплице, укутаны ливнем,
часовые садовых кустов
стынут в лужах гуртом молчаливым, –
так судил им вселенский устав.

Вот и тихнет, лишь только занявшись,
островерхое пламя их куп.
Начинается утро, и наше
неуютное счастье, мой друг.

Вереница проблем-паланкинов,
кирпичами груженый обоз...
Но сетчатку твою не покину,
в этой сетке дождящих слёз

не исчезну, не сгину, не спрячусь,
на белеющий тот тротуар
заглядеться не дам себе. Значит,
нас по-прежнему двое, и два

взгляда, вперенных в белое небо,
где расходится утренний дым.
В хлебном коробе белого хлеба
ломтик… Черный – так чёрный. Съедим.

10 апреля, 25-26 мая 2005.

* * *

Мне зашивали губу, а я думал
О тридцати трех богатырях
Или о семи богатырях
И царевне, живущей в тереме.
Плафон над врачебным креслом
Светил

Оглоухо-бело.

Дёргало и нарывало.

Щетинистое лицо врача
Нависало, его щека была

Пергаментно-серой.

28 мая 2005.

ТРУДЫ И СНЫ

Ромео не было, Эней, конечно, был…

Ахматова.

Часть первая. Уход

1

…Простой и мускулистый гребень,
Что волосы твои схватил,
И брови, скошенные в злобе
Предугадал, предвосхитил…
Поверишь ли, я знал, что будешь
Страдать, рыдать, и падать на
Кровать, и простыни сбивая
Пугать, испытывать меня.
Люблю ли? Успокоить мирно ль
Тебя – безудержно ль, хочу?
Ведь в этом вся прохлада мира,
И полыхание, и жуть…

Он дружен с совестью своей –
Он знает цену силе и терпенью,
И нежиться не будет в тёплых спальнях,
И потому не остается рядом,
И столь поспешно убегает прочь:
Необходимость грома, боя,
Хрипенья – посильней любовей.
И объясняться тут не след.

Не угасай, родная. Я тебя не стою,

Своих идей разменная монета…

Ты снова плачешь? Так займись собою,

Найди себе какое-нибудь дело

Иль развлеченье… Рукоделье, к слову.

Ну что же ты – опять

Рыдать? И как не стыдно, право.

Ты взрослая, сдержись, скрепи себя…

Припасть лицом к твоей лодыжке,

Или уехать, дверь закрыв?

Тебя ведь можно усмирить
Лишь только пламенем, и врыв –

До следующего воя.

И поцелуем не излечишь
Душевных ранок, и объятьем

Не схватишь в целое разрозненную бредь.

Ты хочешь спать? Так спи…

Но я не разрешаю,

Тебе, усталой, просто умереть.

Ты слышишь, истеричка? Слышишь?

Безумен, это факт. И не жалей, зачем?

Ну огорошь меня таблеткой льда
Из холодильника, обрушь прохладу

На мой разгоряченный лоб. Вода

Холодная и талая вода
Стекает по вискам,

И умолкает грай
Вороний грай и воробьиный гам.

Ты знаешь, милая,

Мне снятся голоса.

Один дев*и*чий и мужские два.

Скорей всего, от переутомленья…

Скажи дежурные и верные слова,

И просквози диагнозом меня:

Тиран. Душитель – или лицемер,

– для пущей гадостности слова,

чтобы скрипело на зубах,

как будто бы песок, когда идёшь по молу,

И вдруг подымается ветер,

И станут вращаться со скрипом
Её деревянные лопасти. Мельница, словно комета,

Словно звезда с хвостом кирпичей,

Которые книзу ш*и*рятся.

Раздери эту ветошку надвое,

Чтоб волокна и нитки, как пена, взрыхлялись,

как жирная почва под плугом.

Обмирай, продолжая меня задаривать

Той пунцовой обидой, что липнет на щёки, как руки

Листьев клен*о*вых щупают лица прохожих
слепнущей осенью.

Руки! Палец не уколи!

Там же игла в вышивание всунута,

Но не пытайся прочесть то, что брайлем судьба набрал*а*,

Не для твоих нежных рук,

не для твоих белоснежных запястий.

Я бы вдохнул… ты помнишь ту жажду на миг потеряться,

Помнишь, как дорог нам был коридорный гул!

По сторонам – два р*я*да столов и кресел,

По берегам – два водопада гладких столов?

Это оковы, или распад, раскрытые скобки

Былых оков
На запястьях.

А мы – по ту сторону двери. Только зелёный паркет и стена.

Видишь меня в темноте? Видишь ли ты меня?

Не щурься,

Не смущайся, не хохочи, не гримасничай. Видишь, как много

Я поручений и ужасть как много
Слов говорю на прощанье.

Дай мне вдышаться
В твой сарафан, и обнять тебя снизу,

И отнести на ковёр, пронося

Мимо желтого плафона
И по краю той холстины,

Что шумит, помимо фона
Этой лампочки, гудит,
И гудит… И может статься
Это камера, иль кадр
Ограничивает площадь
До квадратного ковра.
На ковёр! Но жжёт шерстина,
Рядом стул и рядом стол.
Их не сдвинуть, им не двинуть,
Стулу не сказать - пошёл!
Тпрру ты, бестолочь, кентавр,
Грохотни и ниспади,
И по лестнице ступенчатой
Ты вскачь от нас уйди.
Много ль надо? Полетели,
И кистями помавай,
Ты, ковер, лети неделями
До зелёных до полян,
Забывая труд и дело,
Тяглость грядок и делянок,
Чтобы нас колол репейник,
И шиповника цветок,
Одноглазый стебля венчик,
Вспышка, огненный лубок,
Радовал бесстыдством
И яростью своей,
Рдяно-красной нежностью,
Буравил и слепил.

Но-о! Мы стали, отдышались,
снизились, и по полям
Долго ль дудка луговая
Будет выдувать слова?
Целовал тебя в запястья,
Пальцы тонкие швеи,
Укатилось в угол пяльце
И станок исчез вдали,
И неистово сплетались

Зелен луг и красный цвет,

За мгновенье расцветало
То, чего в помине нет

В темноте обычноокой:

Без дверей и без замков:

Ни следа былых оков –

Красных на руках полосок:

Гладью вышитыми розами –

стань ты враз, широкий холст…

Долго ль буду мучиться
Любовью лобовой,

И тоской от почестей
Милой и родной?

Долго ли порочные
Черные зрачки
В темноте пророчащей –

Не видать и зги –

Влажные, зеленые, милые глаза,

Будут то выпытывать,

Чего знать нельзя?

Не греховно ль – зариться

На твою красу,

Иль – что недостанется,

Раскидаешь, как

Волосы по подушке,

когда ты спишь, нахмурясь:

Пропадай, пожалуйста, мол,

Ринусь в Лету я,

Коли не останешься,

Выйдешь от меня,

От рыданий стану я
Безразличней льда –

Забирай оставленную!..

Первый женихом
Наречётся, верьте мне,

Точка кривотолкам –

Веретёнце колкое,

Кружевца-иголки.

Только лишь я холст дотку,

Лишь дотку ковёр,

Выйду за любого,

Как было до *него*…

2

У тебя семь пятниц на неделе.

То ты спишь, не можешь отоспаться,

То молчишь, и привкусом горчицы

Словяная медь во рту горчит.

Что мне делать, ежели елово

Слово всякое и вызывает слёзы
На концах опущенных ресниц,

Беглые, неистовые грозы

И стенанья тащит из груди?

Не рабочий, д*о*ски я не тёсал,

И гвоздей кусачками не дёргал,

И мостков не делал никогда,

Что же заставляешь тяглость лошади
Перенять, взвалить твои года,

На себя, как связку сушёных грибов на шею:

Школьные годы, где девки тебе

Плевали в лицо –

И это, как дырка в дев*и*чьей шинели –

То, как твой первый был поваром на корабле,

Эту нелепость тоски и безделья
Без матернего надзора –

Должен втащить за порог ли, на б*о*рт

Как тюфяк или маты. Т*о*-то!

Дошло, дурачок! – разделить

с нею сон не значит развилка,

А значит
Разделить себя надвое
Н*а*веки, как лист бумаги нельзя разделить на страницы,

и склеить иначе нельзя.

Только обняться и дальше идти, раздираемы

Розовыми кустами,

Мерно и осторожно ступая, и даже хромая в такт,
Чтоб не остаться навеки, как рябчик, в силках,
Лучше идти в молчанье.
Не замечая красных бутонов -
Матерчатой атл*а*сной зависти на розовых их губах.

-Я запрещаю тебе говорить до свиданья!

Часть вторая. Странствие

1

Циклоп! Ты туп,
И руки твои - колбасы.
Ты голем, ты каменный
Гигантокотяк.
Выпей граппы, и пальцы сарделеобразны
Разверни,
Разожми, задремав, свой кулак,
Свой покатый, как грохот, мизинец,
Коим стольких прикнокал, как мух,
Подзывал стольких в дни золотые,
Отзывал и губил - разом, вдруг.
Погружайся в дремоту. Никто не любил тебя,
Но Никто и не тронет. Гудит заунывный звук
В мрачных сводах пещеры понурой,
Выдувают ветра одноликую полую ноту,
И закрыт циклопический глаз.
Погружайся, как камень, в летейскую воду,
Монументом поверженным стань на час.
Ведь таков каждый сильный мира сего,
Каждый с молотом ли, наковальней, серпом ли в руках,
Над главой городов и буграми овечьих стад.
Неудача в любви и обида в далёком прошлом
Характерна для этих парней. Оттого-то и мстят.
И топтыгины ноги порушат любой теремок,
И в скрипучую лягут кровать на железных цепях,
Поев из гигантской лохани.

Но на то ведь они великаны:
Быть слепыми, большими, и в спячку, как в веру, впадать,
Закрывая последнее око,
Отдавая концы,
Вдосталь напившись из фляги дарёной граппы.
Но мы-то лазейку найдем!! Только тссс…
Перехитрим! Вернемся к зрячей жизни
Из темноты пещерной слепотцы!
Я не овца, и не баран. И свой подшёрсток
Я проверять тебе, тиран, не дам!
Проснулся? Он разбужен? Бей его! Атас!!!
Герои? Трусы?
Потом поймём. Сильнее! Бей сей час!
Поедены? Умерщвлены? Сплошь – трупы…
Но изловчиться б, извернуться луком,
И дать росток, чтоб было невпроруб
Ни Полифемам, ни иным киклопам –
Всем благодетелям путём сырого мяса
И обладателям монументальных рук…
Ещё удар! Ужо тебе! Год*и*ли –
И кончили годить да выжидать!!!
Я выбежал, и этот воздух свежий
Мне в ноздри вдарил, словно нашатырь,
Я выбежал, – там колыхались рощи
Зеленые, и там лежит вода,
А я дышал. Вздымалась конвульсивно
Грудная клетка. Я бежал, когда
Увидел белый свет, и солнце прилегло
На влажный парус, – стало мне бело,
И ветру седовласо развеваться,
как бороде Эоловой. И вёслам
в уключинах скрипеть…
Да, я остался
Один как перст. Но в думах о тебе:
Ты мне жена, а коли так – насколько
Тебя я мог бы защитить в такой борьбе,

И сохранить в неведеньи блаженном,

Будь ты со мной, где б ни был?..

Далека.

Но даль зеркальная меня хранила,

Вода качала и блестел фольгою
Морской простор, и эта даль морская.

С пророчеств тех её зеленоглазых
Я сбился, и в раздумьях задремал…

2

Не мурыжь меня, оставь в покое,

Я хочу сунуть голову в форточку,

Я хочу, чтобы воздух, как белая влажная тряпка

На лицо мне улёгся
И в ноздри всосался.

Очень часто со мной говорила ты так.

И теперь тебе мщу против воли.

Мне ль не больно, и я ль вам не враг,

Бытовуха, эмалевые кастрюли?

Я ль не витязь с гремящим копьём
Против бешеных слов и звонков,

Я ль не против прожорливых трелей,

За молчанье и свет, наконец?

Смысл свободы – идти сквозь пределы

Пьяных снов и пещерных стен.

Помнишь: как-то сидели на улице.

На дворе плыл июль, только не было досок и дерева.

Был бензин, и сновали машины

По Тверской, разлинованной тюрьмами

И клетями плакатов, больших,

Как грудастые Рима матроны,

И помпезным накатом огромной,

Как оладья, жары, асфальтировал

Этот город свои же проспекты,

Обращая их в муку: дождя бы.

Ели гречку. Был, кажется, полдень.

-У тебя на подбородке… гречка…

Дай салфеткой вытру. Ты

Так разнервничалась, что

Я впервые испугался. Ты задыхалась,

Мол, это похоже на то,

Как твоя мать говорит,

Перед самым уходом,

Что у тебя грязь на платье, или на юбке,

И всё убивает.

Тогда я впервые подумал:

-Ну и оставайся

Наедине с этой водобоязнью и бытом циклопофобским, с сухой

Испепеляющей жизнью упрямоуг*о*льной
Вешай на окна сетки
Антикомариные, эти кошмарные мысли,

Злые, как взгляд из болота,

Воспитывай вволю, но только

Ты не услышишь ни слова
Больше ни слова, ни слова…

И, как улитка, упрятался в листья бесплатных газет.

Больше не будет ни зноя,

Ни торопящихся улиц,

Вместе не спляшем в веригах больших площадей,

Окна не будут уж падать к нам на пол квадратово,

больше не грянет на простынь вишнёвая тень,

гроздьями, больше не будешь ты, белая и голопятая,

в желто-янтарное обращена, как рассвет, лёжа на животе,

иль на груди моей...

Больше не будет ни доков, ни рыбы, ни запаха ворвани,

Ни колебаний: мол ты, у причала, с другим…

То же: где трубы для сушки рябых парусов... Смотришь в сторону?

Что же - смотри.

Ты говорила, у нас всё неправильно, врыв,

Наоборот.

Ты говоришь: оглянись, я бегу не оглядываясь,

Остановись - я не слышу, не сжалюсь, не буду жалеть тебя.

Ты мне: езжай. Я не еду: колёса заржавлены

У вагонетки. К тому же – куда?
Ехать?
Ведь остров недв*и*жим и необитаем, и всюду вода.

«Разве до столба позорного,
До ненастного столба…».

Но теперь я не дозорный,
Не вояка, не солдат!

«…телеграфного, где гнездятся
Клёсты будущих дождей,
Там кумылженскою комнатой,
Бредим, степью за околицей –
Там болиголовом пахнет
Тишина.
Вспомни всех станичных пунктов
Имена».

Пусть шагают, глину месят
Сами, дальше – без меня…
Нынче я устал от дела.
И луна полна.
М*е*чты падают ничком, словно мачты кораблей,
Штормами порушенных,
Белые, да в тёмное,
Изумрудное.

«Скорей!
Унестись, умчаться, в спину
Чтоб Борей!
Вспоминательное море,
Пена белая, как бинт!»

Целовал в плечо другую,
И туманом молодым
Стелится и щурится

За окном угар.
Сильная бессолица…
Рыжий муравей
Заползает в волосы,
на затылке. Ты
Спишь одна, и хмуришься.
Ночь всё лилов*е*й.
Я ж купаюсь в бисере,
Мне нальют вина,
И постелят. Мизерны
труд мой и туг*а*,
от тоски, источенности
слизнями – следа
Не осталось. -Хочется
Славы? На. -Нет, льда!
На виски. -Любименький,
Принесу, постой…
Только ты люби меня,
Травы, сухостой
Забывая, горечь их,
Веселей лицом,
Нечего печалиться,
дрязг – их вязок сонм…
…Растоплю во рту его,
И шепну в висок,
Чтобы м*о*лкли сны твои,
Сладок был твой сон!
Забывай, отчаивайся
Степь увидеть вновь…
Дремот*а* вечерняя,
Алая, как кровь.
Отдыхай и брезжи же,
Северный восход.
Я южней, и нечего…
Ничего и нет
По ту сторону зеленого –
Румяного чуть-чуть:

Разве риф коралловый.
Солёненькая муть...

Нависала гроздьями
Гротовая лень.
Выпустите, выдуйте
Этот сонный хмель,
Кудрями навьюченность,
Ненавистный плен!

Был душен сон. А комната зеленая,
Где мы с тобой любили не шутя?..
Да от неё остались лишь уг*о*лья,
Стенанья, сваи, голот*а* одна!

Обветренные губы. Нервный срыв.
Не бабиться, и не играть словами.
Я руки пропорол об этот риф
Коралловых корявых оправданий.

Ты будешь злиться и трубку бросать,
Я уже знаю это.
Мысли – не осы, но тоже бывает, жалят, жужжат и – нет ответа,
только пунктир коротких гудков.
Чувствую, ты там хнычешь.
Что же мне – вычесть себя из яви,
Ты меня тоже – вычеркнешь, вычтешь?

Я срываюсь и лодку тащу,
Вдоль по руслу. Так что ж я наделал?
Зарубил, скорчевал на корню,
Всё, что сваяно. Я в воскресенье
Я грешил, я грешил. Изыми
Корень, высчитай сумму – наплакал
Кот, и выплеснуты опивки.
Что за спешенная колымага?
Что за илом поросшая шхуна?

Неужели моя?

Одичала каурка и сивка,

разлетелись по ветру бумаги,

твой девчёночий правильный почерк
набухает водою в лагунах,

унесён за моря…

Время плыть. Гостевали мы долго, девица.

Но пора и линять.

Может, дашь мне продуктов в дорогу,

И отпустишь домой восвояси?

До свиданья. Не трогай меня.

Я уже не с тобою, Калипсо…

Я уже не с тобой, неподруга,

И пора просыпаться от этого бреда и сна.

Часть третья. Возврат

1

Да, пожалуй, нам нужен покой.

Как приятно прохладное море,

И молчащий песок. Не особенно ветрено чтобы,

И не сломан шезлонг.

Я бросал, и бросался в стихию,

Как швыряют в рубашку врачи
Сумасшедшего – и лихие

Усмиряя разряды, лечить

Начинают усталого психа.

Он уже не кричит. Благодарно приемлет повязку на лоб,

И не тянет узлов, понимая, что сделает туже,

Не бросает словами, увидев, что слов

Слишком много не нужно,

А мало – не стянешь таким же узлом смысловым,

Потому улыбается. Может пузырь из слюны произвесть.

Ведь известное дело: у всех у помешанных-тихо

Удивительно мудрый взгляд будто в противовес.

Иногда я мечтаю – наверное, это мечты:

Почему бы не жить просто так,
В электричешных бреднях не путаясь,
Как трамвай, в проводах неоправданных встреч
Не висеть,
Не терять свой рассудок
В пустяках и пустяшных раздраях:
Двух грошей в калит*е*, трех камней в лопастях,
Тридцати неоконченных фраз:
А со мной ли сум*а*, мой портфель?
Не забыл ли в метро свой рюкзак?
(Я хочу, как выцеживают молоко,
Обходительным быть со словами.
Как немой...) Ну конечно, ты скажешь, легко,
Совершенство любить лентяю:
Кто одно сделал Дело – не ровня тому,
Кто их делает много – хотя и
повседневных, и средних – не всем же
Велич*и*нами быть, и неволить
Остальных за идею махровую…

Не скажи.
Я, конечно, дик*о*й, и дичусь,
То взъерошенный, то ежовый.
Но уж если сходить в одночасье с ума,
Пусть не будет неловко за повод…

Каждый раз, о тебе вспоминая,
Если ты далеко, дозвониться
Не могу – у тебя телефон
Заедает, когда дождливо,
Каждый раз – размышляю я так:
Будет время, и только начнется
Угрожайный и сильный буран:
Будем вместе, ты, может быть, выйдешь в тапках
На раскисшую глину крыльца,
И накапают к нам на футболки
Серопластые капли воды дождевой,

Принесенные ветром, из губки

Неожиданно выжатой тучи,

И промочит любые следы
Во дворе, и попрячутся в норы

Все животные, чтобы молчать,

Прекратятся всех праздных людей разговоры
О моркве и картофи, фасоли,

Консервах и шпротах. Моря

Будут ливнем прошиты. Их щупая,

Взбудоражит гусиною кожей
Их поверхность – и рябью проймёт

Каждый ветра порыв. Мокроступами

Размягчённую землю вминая,

Мы зайдем с чёрного входа в дом,

И поднимемся вверх по ступенькам,

Разведем помаленьку огонь,

Будем греться, а капли – тенькать

По трубе водосточной из жести.

Меньше слов – тишеней и милей

Каждый жест того, кто рядом,

Будет легче, весомей любое движенье и всякое слово,

Долгожданнее добрые вести,

И теплее присутствье другого,

И прощёней взаимные взгляды.

Я тебе говорил, что вернусь,

И вернулся, и вроде живой.

Ждать – в природе заложено женской: ребенка ли, мужа.

Я тиран, домостроевец, скажешь. Но снова с тобой.

И поверь, я почти и не слушал

этой нимфы блестящий серебряный вздор.

На сегодня закончен мой рейд.

Хорошо, что мы рядом, обнявшись в квадрате дверей.

Только не плачь, пожалей меня лучше своей красотой, Пенелопа.

Каждый кадр, фотография каждая

Для того, чтоб раздвинуть её,

То же – день, то же – комната. Жаждою
Распростёртых пространств мы живём.
То же – холст, и пускай его пенятся
Все оборки, обтреплются пусть.
Мы трудились и верили. Верится,
Что не будет напрасна та грусть…

2

Паруса натр*у*жены, прос*о*лены,
Путешествия д*о*лги, и в*о*лгнут
Вёсла, пусть себе плещут, мне неинтересны они,
Нынче слишком скучны их щербатые, мокрые крылья.
Лучше мельниц сухое зерно.
Снова вместе, и снова ручьём
Слёзы. Как много нас*о*рено плевел,
Наобижено – ну, ничего.
Разогреем, спиртовку подкручивая,
Белый чайник, и будет прочней
Быт, камином – костром одомашненным,
Усмиренным – и ночи ночней, –
Дни дневней, коли пламенем спаяно –
Первосданным и спелым огнем,
Золотящимся и приручённым,
Колосящимся хлебно – огнём,
Трепыхавшимся прежде – и туфелька
Чуть висит на твоём носке.
Пусть грохочет финальным стуком, и
Наконец мы с тобою близки.
Охлади мне глаза талым заревом,
И не надо проворного льда,
Чтоб скользил по вискам, как по займищам
Земледельца, ещё убелённым снегами –
Орошая седые виски, и стекая по резким морщинам, как по бороздам.
Ты прости, если можешь, и дверь отвори,
Пусть швыряет вяз*а*нки, как хв*о*роста,
Молний – ливень, питает растенья,

Пусть пугает зверье бездомовное там, вдалеке,
И качает деревья, и бегает пламя.
Пусть нисходит по кромке тугая простая вода.
Никого не жалел я, родная, для дела и стали.
Ты одна пожалела меня...

Шумят деревья. Я запомнил,
Как пахнут волосы твои.
Ты щуришь запоздало-томно
Глаза, и губы так кривишь,
А я запоминаю, чтобы,
когда расстались у метро,
со мной осталось это слово:
люблю, и рокот не ушёл
(Как рожь с пшеницей сложат сурожь, -
Так мы с тобой зерно одно),
И чтоб стыда румяным морем
меня внезапно обдало,
сойти должна гримаса боя,
исчезнуть выспренное зло.
Оставив панцирь мой в прихожей,
ты в комнату меня вела…
И жениховы отпечатки
Сошли с квадратного стекла.
Мы будем вечно возвращаться
Друг к другу, и не черновик,
А набело, и наше счастье,
Любелое, в моей крови
Твои распрямленные брови,
глаза, и твой причальный след -
Склонившуюся к изголовью,
И плечи, молнии белей -
Запомню. И настанет вечер.

Я здесь, напротив.
Я коснусь щекой
Щетинистой - дошитого холста,

Ты просолила зрячею тоской
Моих страниц немые паруса,
На то крыльцо, и в комнату с крыльца
Мы будем возвращаться бесконечно.
Смахни слезу соленую с лица.
Глаза закрой...
Как выстрадан покой.

И хорошо, что нынче встречный ветер,
Непригодный для странствий…

28 мая – 9 июня; первая половина июня 2005.

БАТАРЕЯ

У трубы я на шее расплачусь,
На ребристой грудú батарей.
Трýбы – жилы. Живые, и, значит,
Нервы, как у людей – у вещей.

Если ж нет – для чего же я мучусь,
Мою вас, и терплю столько бед –
Прожигаю металлом горячим
Горло, вдруг прислонившись к тебе,

Батарея, и зная, что болью
Кипячёной (крутой кипяток!)
Обожжёт до истерики горло,
Всё же жду исцеленья… Но чтó,

Кроме боли взамен, мне подаришь?
Я немой. Ты мне голос оставишь,
Иль простуда – последний укор?

Без обжалованья и прощенья
В этом хламе холодных вещей мне
Одному доживать свой срок?

16 июня 2005 г.

* * *

Я пишу стихи. Они неправда.
Пыльные и скучные слова.
А вокруг кухóнные громады,
Чашек и тарелок острова.

А внизу лодчонки старых тапок.
А вверху – белёсый потолок.
И вода из крана уж не капает.
Вот и я замолк.

6 июля 2005, среда.

ОТРЫВОК

Эти люди – мои, а я – их.
Мы как будто растем друг из друга.
Вроде хочешь сказать прости,

Но язык переходит на ругань.

Вроде хочешь обнять, но звезда
Так мала, словно точечка, светит,
И никто никогда-никогда
В целом мире её не приветит.

Вот и думаешь: я – это я.
И звезда – тоже я (то есть, вспышка),
Что и тянется, и неподвижна,
И молчание, и колея,

И дорога, и вечный привал,
И приют, и отчаянье сúрот…
А сироточек – полн небосвод.
Как птенцов по плетеным корзинам!

Может, руку вложить, как в пакет,
Переполненный спелою вишней,
В этот воздух и мглистый, и свежий,
Чтоб понять, где же свет, как же свет

Не боится коснуться лица
И впитаться, как сок, в мои пальцы,
Беззащитно летит до конца,
Чтобы без вести здесь потеряться?..

Отчего ж так боюсь я отдать
Распоследнее – людям обычным?

……

8 июля 2005.

* * *

Я фальшив, как монета на зубе
Испытаний, соблазнов, интриг.
Каждый грех начинается с зуда,
Упыриным укусом горит.

А потом, словно шаткая чашка,
Я пляшу на одной ноге:
Балансируй на грани всех тяжких,
Убегай, не знайся ни с кем.

Но я всё-таки тварь и предатель,
И в истерзанном сердце моем
Сколько раз эта страсть в результате
Верх одерживала над добром!

Так зачем же опять мы в разлуке?
Неужели, чтоб я осознал,
Что не выдержу низкой муки
Этих взглядов чужой из сна?

И опять я себя собираю
По обрывкам белых дестей.
Прячусь в келью, и всё же сгораю,
Раз достался тебе, а не ей.

Распустив и ослабив все нити,

Ты казни по закону меня, -
До того мне мучительны сны те,
И удушливый зной того дня…

Но ещё мне страшнее, что может
Скрыться то же и в сердце твоем:
Так же давит, и правит, и гложет,
И не даст нам быть только вдвоем.

30 июля 2005, Латвия.

* * *

…день последний.
Ася Фролова.

Отмучившийся страхами, и сплетней
Побитый, как березовым прутом,
Я возвращаюсь в этот день последний
Как заплутавший вдруг находит дом…

…Там всё по-прежнему: и дерево, и доски,
И лесопилка молкнет в три часа,
И жилистые мачтовые сосны
Готически возносятся в леса.

А мы с тобою там, за перекрестьем
Оконной рамы, и мучнеет свет
Небесный. Скоро дождь, и листья
Шумят нервозней, холодно листве.

Осина леворукая трепещет,
И шелестя, склонилась как-то вбок.
Вдруг двери хлопают, и я поспешно
Перед грозой закрыл их на замок.

……

Опилки мокнут, превращаясь в кашу.
Пеньки разверсты, словно бы котлы,
И по коре ороговевшей – чащи
Сильнее хлещет дождь, и долго будет лить.

Стекает влага жгучих белых капель
Прохладой по столу и по стволам,
Зазубринам застывшей циркулярки
И жёлтым древесины штабелям.

Дождь равновесный, безразличный, тонкий.
Он проникает всюду меж ветвей.
А шум усилился без повышенья тона,
Как тайные обиды этих дней…

30 июля – 3 августа 2005, Латвия.

УТЕШЕНИЕ

Д. А.

Мы ходим по городу чинно,
Дорога хрустит, и асфальт
Изъезжен стальною машиной,
Чужою стопой тароват.

Нам негде укрыться, и молча
Взирают сегодня на нас
Все окна. Их тёплые очи
Как пары воловьих глаз.

Вот кухня. Вот спальня. На дверцах
Больших шифонеров своих
Найдет отраженье невеста,
Подтяжки повесит жених.

И лампа – хозяйская лампа
Потухла уже. Отойдём.
Не низость ли это: «И нам бы
Уюту и собственный дом!».

Ты плачешь, иль, сидя на лавке,
Ешь вафельный белый бисквит.
Не плачь! Ведь Москва – только главка
В романе, что шире Москвы,

И с диккенсовской понарошкой
Давай же ходить по Тверской,
Молчать и смотреть друг на дружку
Как будто Грийе и Леско.

А после – отбросим котурны,

И вечер, простой и благой,
Как тёплая мазанка в трудном
Кочевье, – подарит покой.

Незначимо имя ли, номер
Проулка, бульвара-реки.
У нашего счастья нет дома,
Зато есть свои уголки.

И сколько ни будет закладок
Таких на страницах столиц,
Я спрячу воинственным взглядом
Тебя от чужой сотни лиц,

Чтоб в этих углах сохранялось
Тепло. -Сохраню! -Не уйду! –
Нам арка вон та прокричала,
И близкий бордюр, что вот тут.

29-30 августа 2005.